

Л.Богатая

КОНЕЦ ПОСТМОДЕРНИЗМА ?

Статья опубликована в журнале: Наукове пізнання: методологія та технологія. – 2004. – Вип. 1. – С. 17-25.

Хотя каждый слушатель воспринимает произведение по-своему, можно, тем не менее, констатировать, что музыка вызывает в различных мозгах аналогичные идеи.
Бодлер

Шумерские жрецы были убеждены в том, что будущее запечатлено тайными письменами в событиях, происходящих вокруг нас в настоящем.

Об этом упоминал Илья Пригожин в своих текстах (3.44). Эта идея может оказаться одной из наиболее конструктивных в современных подходах к изучению проблемы времени. Но уже сейчас ей можно попытаться воспользоваться.

В биографии Ильи Пригожина есть два очень интересных факта. Первый касается того, что, еще с детского возраста будущий ученый мечтал о карьере концертирующего пианиста. Второй – связан с использованием работ уже известного во всем мире ученого, лауреата Нобелевской премии, для эффективной организации уличного движения в мегаполисах. При поверхностном взгляде тематика указанной работы кажется немного странной для специалиста в области теории диссипативных структур. Но если взглянуть пристальней, то в двух этих фактах обнаруживаются смыслы, позволяющие более точно оценить масштабы удивительной личности, осветившей культурное поле нашей планеты на стыке двух тысячелетий.

Дорожные пробки, к сожалению, уже можно считать символом большого города. Пробки интеллектуальные обывателю не видны. Их обсуждают на страницах серьезных профессиональных журналов, научных форумах. Появляются завораживающие своим звучанием термины, например – «постмодернизм». Термин, характеризующий культурную среду конца двадцатого века. Осмысляя основные позиции постмодерна, иногда возникает вопрос: а не является ли он своеобразной «интеллектуальной пробкой»? Ведь, действительно, если природы нет, науки нет, а есть только тексты, составленные из цитат всего того, что уже было. Разве это не тупик? Любопытны характерные «продукты» постмодерна: пастиш (от итальянского *pasticcio* - опера, созданная из кусков других опер) и коллаж. Они и стали главными символами нового направления. Или, например, роман-цитата Жака Ривэ, представляющий собой сборник из 750 цитат (1979 г.).

Сразу следует отметить, что подобный тон по отношению к постмодернизму не более чем иллюстрация его же принципа – легковесность и насмешливости над всем: над наукой, над миром, над человеком, пытающимся этот мир осмыслить.

Постмодернизм уже в 80-е годы стал претендовать на выражение общей теоретической надстройки современного искусства, философии, политики, науки. Главный объект постмодернизма, как это было уже отмечено, - текст. Можно выделить два основных постмодернистских принципа. Первый - это культурная опосредованность, или цитата. Каждое слово, даже каждая буква в постмодерне – это цитата. Второй фундаментальный принцип - отказ от истины. В постмодернизме истина видится только как слово, как элемент текста. Рассказывание же историй является центральной постмодернистской мифологемой. Рассказывают все. Американский

теоретик постмодерна Джеймсон пишет, что даже представители естественных наук – физики, рассказывают истории об элементарных частицах. Но только постмодернистские рассказы – рассказы особенные. Жан-Франсуа Лиотар в своей книге «Постмодернистский удел» подверг критике понятие метарассказа, в котором властвует единая повествовательная стратегия. Постмодернистские рассказы – особенные, они походят на осколки разбитого зеркала. По мнению исследователя постмодернизма И.Ильина постмодернистская мысль пришла к выводу, что все принимаемое за действительность, на самом деле не что иное, как представление о ней, зависящее от точки зрения, которую выбирает наблюдатель, и смена которой ведет к кардинальному изменению самого представления. Восприятие человека объявляется «обреченным на «мультиперспективизм», на постоянно и калейдоскопически меняющийся ряд ракурсов действительности, в своем мелькании не дающем возможности познать ее сущность» (4). Разве эта мрачная картина не похожа на автомобильную пробку, в которой не видно уже ни дороги, ни города а только мелькание лиц раздраженных водителей, оказавшихся заложниками этой ситуации и мысленно призывающих «регулирующего» в звании не менее чем «лауреата Нобелевской премии»?

Одну из своих работ (1) И.Пригожин и И.Стенгерс заканчивают словами: «Мы живем в особо выделенный момент истории и питаем надежду, что нам удалось передать это убеждение своим читателям». В чем же авторам виделась «выделенность» этого момента?

Можно только представить себе каких размеров коллаж под названием «Илья Пригожин» составляется сейчас в мире. Смерть Великого ученого, которого еще при жизни стали называть «Новым Ньютоном», привлекла внимание многих. Стали заново перечитываться основные работы, выбирались наиболее интересные цитаты, формировались различные ракурсы и дискурсы, все в лучших традициях постмодерна. Завораживало обилие удивительно ярких культурологических размышлений, перевариванием которых можно заниматься еще не одно десятилетие. Но проявились и мысли настораживающие, способные сокрушить всю постмодернистскую парадигму, вернее не сокрушить, а трансформировать. Как отметил С.П. Курдюмов в послесловии к статье И.Пригожина «Философия нестабильности» «по-видимому, любые повороты и перевороты в мышлении не могут сопровождаться полным отбрасыванием каких-либо представлений, присутствовавших в прошлом: Что-то сохраняется, что-то остается вне поля зрения, а что-то перетолковывается, и именно перетолковывание, переинтерпретация ... составляют суть концептуальных сдвигов, позволяющих говорить о переходе от одного уровня понимания к другому» (2,8). Можно высказать предположение о том, что работы Пригожина знаменуют собой выход из эпохи постмодернизма и начало эпохи новой, имя которой сейчас можно только предугадывать.

«Не будет, по-видимому, преувеличением сказать, что наш период допустимо сравнивать с эпохой греческих атомистов или Возрождения, когда зарождается новый взгляд на природу» (3,79). Использование термина *возрождение* применительно к нашей эпохе может показаться не очень понятным. Настолько привычными уже стали мысли об упадке, иллюзиях, смерти. Наука мертва и с этим почти готовы согласиться многие. Но Пригожин трактует смерть шире. Есть не смерть, а есть трансформация. «Классическая наука, мифическая наука простого пассивного мира, ныне – достояние прошлого. Смертельный удар был нанесен ей не критикой со стороны философов и не смиренным отказом эмпириков от попыток понять мир, а внутренним развитием самой науки» (3,102).

В истории науки, как и во всей человеческой истории, как и в каждой человеческой жизни можно обнаружить точки бифуркации. Пригожин отмечает, что мы приближаемся сейчас к «точке бифуркации, после прохождения которой

человечество окажется на одной из нескольких вероятных траекторий» (3,64). При такой ситуации особо важным оказывается внимательный анализ наиболее характерных черт текущего периода. В пригожинском анализе отмечаются следующие факторы, характеризующие особенность текущего момента.

Фактор первый

Информационно-технологический бум. По мнению Пригожина, мы подходим к созданию «сетевого общества», в котором люди будут связаны между собой так, как никогда ранее. Глобализация и сетевая революция ведут не только к большей связанности людей друг с другом, но и повышению роли отдельного индивида в историческом процессе.

Термин «сетевое общество» кажется очень удачным, учитывая и глобальную сеть Интернет, и финансовые пирамиды, и сетевые системы продаж. Как отмечает Пригожин (3, 65), каждый великий период в истории естествознания имеет свою модель природы. Для классической науки такой моделью были часы, для периода промышленной революции – паровой двигатель. «Часы – механизм, управляемый рациональностью, которая лежит вне его, планом, которому слепо следуют внутренние детали. Мировые часы - метафора, наводящая на мысль о божьих часах, рациональном вседержителе, управляющем природой, послушно выполняющей его указания наподобие робота» (3,65). Символом, наиболее полно отражающим идеал противоречивости современной эпохи, Пригожину хочется видеть скульптуру, призванную фиксировать удивительную грань между бытием и становлением. Но жизнь с таким выбором не соглашается. Скульптура как вид искусства все меньше привлекает внимание широкой публики, становясь искусством камерным. Часы, которые практически три века господствовали в мире, действительно с культурного подиума сходят. И им на смену приходит мобильный телефон – символ потенциальной возможности мгновенной связи, мгновенного включения в общую сеть, в сетевой мир. И если раньше можно было подсмотреть время на ручных часах собеседника или случайного встречного и ощутить «временную сопричастность», то сейчас время становится более интимным, принимая статус времени «собственного», которое мгновенно высвечивается при включении в общую сеть. Человек «мобильного мира» по своему усмотрению может в эту сеть войти, став ее частицей, и, по своей же воле, выключить телефон, восстановив замкнутость и самодостаточность. Но такая свобода тоже относительна. За членство в «сетевом мире» человек платит множеством несвобод – от непрерывной энергетической зависимости (ведь включенность в сетевой мир требует непрерывной материальной подпитки) до зависимости от оператора, к которому осуществлено подключение. Таким образом, один бог-часовщик оказался заслоненным безликими фигурами квази-божеств, навязывающих свою волю.

Фактор второй - особая роль науки в состоянии информационного взрыва

В предисловии к работе Пригожина Стенгерс (3,13) «Время, хаос, квант» О.Тофлер подчеркивает, что наука представляет собой открытую систему, которая погружена в общество и связана с ним сетью обратных связей, испытывая при этом на себе сильнейшее воздействие со стороны окружающей ее внешней среды. В этом достаточно очевидном утверждении хочется выделить термин «открытая» система и обсудить его более подробно.

Открытость науки

«В момент демографического взрыва наука должна, по-видимому, играть важную роль. Необходимо поэтому с большим вниманием, чем когда-либо, следить за тем, чтобы каналы связи между наукой и обществом оставались открытыми...»(3,38) В своих работах И. Пригожин И.Стенгерс предлагают несколько вариантов понимания «открытости науки».

Во-первых, это открытость обсуждения результатов научных исследований в широкой культурной среде. Пригожин приводит по этому поводу интересные рассуждения Эрвина Шредингера: «Существует тенденция забывать, что все естественные науки связаны с общечеловеческой культурой... Та теоретическая наука, которая не признает, что ее построения, актуальнейшие и важнейшие, служат в итоге для включения в концепции, предназначенные для надежного усвоения образованной прослойкой общества... непременно оторвется от остальной человеческой культуры; в перспективе она обречена на бессилие и паралич» (3,61). Позиция Шредингера абсолютно понятна, однако очевидно, что *перевод* результатов многих современных естественно-математических исследований в общекультурный контекст является достаточно сложной задачей, требующей не только высокой научной, но и общекультурной эрудиции.

Ю.Лотман отмечал необходимость наличия «разницы в уровнях сознания и целях деятельности» между автором текста, в данном случае ученым, и «читающим» научный текст, декодирующим его в культурный контекст. Подобными операциями традиционно занимаются историки науки, философы или ученые, готовые подняться до уровня философского осмысления своих открытий. Имена таких ученых можно легко пересчитать. И та идея, которую реализовали Пригожин и Стенгерс- посмотреть на историю развития науки глазами ученых ее же создававших, дала удивительные результаты. Действительно, взгляд философа на историю науки дает очевидные искажения. Как в квантовой механике: приближение наблюдателя к объекту начинает этот объект деформировать. В подходе же Пригожина эти деформации оказываются минимальными. Взгляды ученого на науку своего времени более точны. Естественно, возникает вопрос, что же нового в осмыслении истории науки предлагает Пригожин?

Для этого необходимо вернуться к обсуждению **«открытости науки»** с другой точки зрения. Открытость науки, **во-вторых**, предполагает конвергенцию наук естественных и гуманитарных, которая нашла свое отражение в названии французского варианта книги «Порядок из хаоса». Книга называлась «Новый альянс». По мысли Пригожина классическое разделение наук естественных и гуманитарных «взорвалось» изнутри самой науки, ее «внутренним развитием». Другое дело, что к этому синтезу призывали еще в начале XX века и Владимир Соловьев и Павел Флоренский, но реальные шаги начали осуществляться только в конце XX века. И причиной тому первоначально оказался выход ученых с обсуждением результатов своих научных исследований на общекультурное пространство. Открытые нелинейные системы оказались общим объектом исследования для ранее, казалось, не пересекавшихся наук – физики, биологии, социологии, психологии и пр. В естественных науках возник синергетический подход, который со временем стал претендовать на статус современной общенаучной парадигмы.

Причину назревающего «синтеза» в науке Пригожин видит в отказе физиков от традиционного детерминистического подхода к миру. «Классическая наука, мифическая наука простого пассивного мира, ныне – достояние прошлого» (3,102). И далее: «Классический идеал науки- открытие умпостигаемого мира, - мира, лежащего вне времени и, следовательно, лишеного памяти, лишеного истории, - напоминает кошмары, рожденные фантазией Кундерры, Хаксли или Оруэлла... Ныне мы не считаем более допустимым обосновывать подавление памяти или сковывание фантазии ссылками на «идеализацию» как на законную цену научной рациональности. И то, и другое мы должны принимать за то, чем они являются на самом деле, - за искажения, разрушающие именно то, на познание чего они претендуют» (1,28). По мнению Пригожина разрушение классического подхода возникает автоматически при введении события в исследовательское поле. В традиционную формулировку законов природы

события не входят, ведь «траектории или волновые функции не начинаются и не кончаются». Но в результате «невключения» события в исследовательское поле физика оказалась перед «величайшим кризисом» (1,6). Большой Взрыв есть событие, но места ему в классической физике не было. Исключение из поля зрения события, тем самым исключает и творчество, а вместе с ним и саму жизнь.

Интересно, что в то же самое историческое время постмодернизм гипертрофировал событие, всегда случайное, всегда непредсказуемое, откуда вытекала и непредсказуемость мира, а, следовательно, и бессмысленность попыток его познания. Таким образом, постмодернизм рассматривал только события, а классическая наука – мир без событий. И тем самым они исключили друг друга. То, что возникает в настоящий момент буквально на наших глазах, по мнению Пригожина, «есть описание, промежуточное между двумя противоположными картинами – детерминистическим миром и произвольным миром чистых событий. Реальный мир управляется не детерминистическими законами, равно как и не абсолютной случайностью» (1,38). Между жестким детерминизмом и случайностью располагаются представления, оперирующие с возможностью, вероятностью событий. Событие – это то, что нельзя заранее вычислить. Именно через «актуальные» события возникает доступ к квантовому миру ибо «квантовая механика показывает, что обратимый во времени мир, описываемый уравнением Шредингера, есть также мир непознаваемый» (1,30). Введение события в поле естественнонаучных исследований одновременно актуализирует, пользуясь термином Пригожина, «стрелу времени» или – проблему необратимости времени. Своими размышлениями о стреле времени Пригожин выделяет время как одну из центральных проблем современности, преподнося будущим исследователям времени такие глубокие размышления, как: «Время не является чем-то готовым, предстоящим в завершенных формах перед гипотетическим сверхчеловеческим разумом... Время – это нечто такое, что конструируется в каждый данный момент. И человечество может принять участие в процессе этого конструирования» (2,7). Или цитирует Поля Валери, его удивительно меткую реплику: «Время есть конструкция» (3,59) .

«Новый альянс» естественных и гуманитарных наук через отказ от классического детерминизма и включения события в поле естественнонаучных исследований, оказался реальностью современного культурного бытия.

«Открытость» современной науки И.Пригожин и И.Стенгерс понимают еще шире. И появляется аргумент *в-третьих, или- резонансные явления между наукой и метафизикой.*

Не касаясь существующих моделей культурной динамики, Пригожин ограничивается очень простой идеей резонанса между «теологической дискурсивной практикой и теоретической и экспериментальной деятельностью» (3,90). Интересны его замечания по поводу выбора термина «резонанс»: «мы сознательно выбрали выражение, симметричное относительно каждого из них: резонанс отнюдь не предполагает, что первенство и роль пускового механизма выпали на долю теологической дискурсивной практики или научного мифа» (3,90). Подобный резонанс, по мнению ученого, имел место на начальном этапе развития современной науки. Ссылки на религиозные аргументы часто встречались в научных трудах вплоть до XIX в. В то время как в настоящий момент характерно противоположное направление аргументации: «своим авторитетом наука придает вес мистическим утверждениям» (3,92). Алхимические штудии К.Г.Юнга являются широко известным фактом, а вот то, что наряду со своими математическими исследованиями Ньютон на протяжении тридцати лет изучал труды алхимиков древности (3, 111). для многих оказывается новостью. Отмежевание от религиозной и эзотерической мысли может только способствовать изоляции научного сообщества, возникновению противоречия с идеей открытости. И Пригожин

подчеркивает: «тот факт, что сегодня самые разные культурные образования принимают участие в развитии научной культуры, является для нас источником новых надежд» (2,3). А вот одна из проблем нашего времени состоит в преодолении взглядов, стремящихся оправдать и усилить изоляцию научного сообщества.

Эти общекультурные соображения Пригожина получают очень интересный практический ракурс.

«Парадокс времени ставит перед нами проблему центральной роли «законов природы»» (1,2). Ученый неоднократно в своих работах обращается к этой проблеме. «Понятие «закон природы» заслуживает более подробного анализа. Мы настолько привыкли к нему, что оно воспринимается как трюизм, как нечто само собой разумеющееся. Однако в других взглядах на мир такая концепция «закона природы» отсутствует» (1,2). Пригожин отмечает, что открытие неизменяющихся детерминистических законов сближало человеческое знание с божественной, вневременной точкой зрения (1,3). Весь период классической науки – это стремление к открытию неизменяющихся законов. В самом этом стремлении было заложено противопоставление идее истинной эволюции, «включающей в себя инновации, которые с научной точки зрения должны определяться тремя минимальными требованиями.

Первое требование – необратимость, выражающаяся в нарушении симметрии между прошлым и будущим...

Второе требование – необходимость введения понятия «событие»...

Третье требование – некоторые события должны обладать способностью изменять ход эволюции» (1,16). Эти требования, предъявляемые к выводу, претендующему на статус современного закона природы, вполне понятны, ибо допускают творческое развитие окружающего мира. Однако, «новый взгляд на законы природы», о котором говорит Пригожин, можно понимать шире, учитывая его же высказывания о том, что «ни у кого не вызывает удивления, что история геологии, биологии или астрономии складывались под влиянием взаимосвязи между этими науками и тем, что в религии принято называть откровением». Может быть, в этом контексте есть смысл подумать над различием терминов Научный закон, Закон природы и Закон Мироздания?

Научные законы выявляют общие закономерности, открытые при изучении конкретных наук. Законы Мироздания даются на уровне Откровения и никакого отношения к науке не имеют. Но они являются продуктом культурного развития человечества, ибо формулируются на «пиковом уровне языка», который может быть понятен человеку на конкретном этапе развития. Представление о «пиковом уровне языка» есть необходимость ввести потому, что сами термины, их лексические контексты в текстах уровня Откровения обладают огромной новизной. Фактически это новые ментальные конструкции. Потому Откровения можно определить как *генетические тексты* (см. диссертационное исследование автора). Возможно, что открытые (обретаемые) на данном культурном уровне законы Мироздания и выполняют роль аттракторов, дающих возможность в бесконечном количестве возможных вариантов решения выбрать правильный и тем самым сократить количество случайных переборов. Естественно, возникает вопрос: как можно согласовывать Законы Мироздания, которые, чаще всего, сформулированы на уровне законов этики, и научные законы. У Пригожина по этому поводу есть интересное замечание: «этика является не областью дедуктивного знания, а «практической мудростью», искусством делать надлежащий выбор относительно неопределенного будущего» (1,36). И далее: «В открытом мире, который мы сейчас учимся описывать, теоретическое знание и практическая мудрость нуждаются друг в друге» (1,36). Мы, действительно, «не в состоянии предсказать выбор Адама, потому что для этого нам был бы необходим доступ к абсолютно полному, т.е.

бесконечному, знанию Адама» (1,14). Но та культурная среда, сформированная на основании конкретных этических законов, направляет этот выбор.

Подводя итог сказанному о необходимой **«открытости»** современной науки можно заметить, что эта *необходимость* есть во многом отражение наблюдающегося сближения «внутреннего и внешнего миров, что, возможно, является одним из важнейших культурных событий нашего времени» (2,2).

Пригожин согласен с тем, что человечество подошло к концу, но не науки как таковой, а «к концу представления о классической рациональности, связывающей понимание с открытием детерминистических законов, открытием бытия за рамками становления» (1,31). И, пожалуй, один из наиболее интересных выводов о специфике современного культурного периода видится ученым в том, что «в наши дни основной акцент научных исследований переместился с субстанции на отношение, связь, время» (349). И может быть именно сейчас правомерно задать вопрос: **Что же на самом деле познает наука?**

Широко известно представление Ньютона о том, что в своем познании этого мира мы походим на ребенка, гуляющего по берегу океана и рассматривающего ракушки. Каждая из наших новых теорий похожа на ракушку, а окружающий мир – это огромный океан. Эту мысль можно развить немного в ином направлении.

Когда ребенок начинает развиваться, ему дают игрушки, игрушки, согласно его возрасту, его уже врожденным склонностям, предпочтениям. Рассматривая, разбирая эти игрушки, ребенок с одной стороны развивает себя, свое сознание, с другой стороны, познает тот культурный уровень, в котором оказался. Ибо любая игрушка – это продукт конкретной культуры. И при этом родители не предполагают, что по этой игрушке ребенок познает природу, реальный мир. Ребенок взрослеет, становится ученым. И продолжает исследовать те же игрушки, но чуть более сложные. И начинает претендовать на постижение первооснов мира. В то время как, может быть, разумнее было говорить о постижении игрушки нового уровня. Когда в душе ученого-ребенка интуитивно начинает возникать вопрос о том, **что** он действительно исследует - возникает юношеская фрустрация и выносится вердикт о том, что - либо науки нет вообще, либо – окружающий мир непознаваем. Может проще принять вывод о том, что наука - это одна из форм человеческой деятельности, которая призвана развивать сознания познающего. И тогда следует изменить наше представление о том, *что* на самом деле познается. Или, по крайней мере, *допустить*, что познаваемым объектом является не Сама Природа, Огромный Океан, а всего лишь ракушка, продукт деятельности Великого Океана, а может быть лучше – продукт его игры, его фантазии, его творчества. Изучая великие фантазии, мы учимся фантазировать сами, меняется наше сознание и вот эти изменения сознания, безусловно, сознания коллективного, мы и можем отслеживать из анализа научных текстов. Это и есть третий уровень артикуляции, о котором говорил французский философ К.Левин-Строс.

Пригожин приводит слова одного из известных современных физиков Роджера Пенроуза, который писал в своей книге «Новый разум императора»: «Наше сегодняшнее непонимание фундаментальных законов физики не позволяет нам схватить понятие «разума» в физических или логических терминах» (1,30). Сами ученые уже понимают, что физические законы должны дать возможность «схватить понятия разума». Может быть, в настоящее время проявляется новый смысл наук, заключающийся не столько в познании вечноменяющегося окружающего мира, а в открытии новых ментальных структур постигающего мир сознания. Мир неисчерпаем, в то время как сознание человека расширяется и расширение этого сознания возможно только через активную деятельность по преобразованию, исследованию окружающего мира. А потому, может

быть не знания о мире, исчерпывающие или нет, есть наша цель, а сам процесс мышления, в ходе которого и происходит расширение сознания.

И тогда нестабильность мира не пугает, более того, она становится подтверждением реальности этого мира. Пригожин приводит очень меткое наблюдение В.Набокова: «То, что полностью контролируемо, никогда не бывает вполне реальным. То, что реально, никогда не бывает вполне контролируемым» (1,31). И добавляет сам: «Реальность вообще не контролируема в смысле, который был провозглашен прежней наукой» (2,6). Мы не можем контролировать состояние Океана. В лучшем случае мы можем предсказать поведение ракушки и это знание наполняет сердце ученого великой радостью бесконечной причастности. Сегодня уже кажется наивным представление о том, что этот мир – наш «безропотный слуга» может быть скорее – мудрый друг, наделенный бесконечной фантазией, под присмотром которого мы призваны взрослеть.

И в заключении – о конце постмодернизма

Любой конец можно зафиксировать только в том случае, если есть признаки начала чего-то нового. Как бы ни было интересно высказывание Пригожина о том, что человечество вступило в эпоху Нового Возрождения, оно требует веских аргументов. Первый аргумент Пригожин сформулировал сам: наука жива своим переходом на новый уровень, расширяющий узкие рамки классического детерминизма. Более того, просматривается окончание истошающего отделения науки от других культурных сфер, что может привести к «новому альянсу».

Второй аргумент можно косвенно вывести из рассуждений Пригожина. нестабильность мира не пугает не только потому, что найдены новые математические методы, позволяющие описать эту нестабильность, но и потому что возникают интуиции о том, что все интенсивнее проявляется новый фокус познания, направленный на исследования сознания познающего субъекта. Развитие математики отражает появление новых ментальных конструкторов в общечеловеческом сознании. Пригожин, например говорит «Мы начинаем выходить за пределы ...мира количества и вступаем в «мир качества», а значит в мир становящегося, возникающего» (1,8).

Математика также как и музыка вызывает в различных «мозгах» схожие идеи. В этом и проявляется, так часто обсуждаемый в синергетике принцип круговой или кольцевой причинности, согласно которому «части подсистемы, находясь в условиях далеких от равновесия, нестабильности и конкуренции, самоорганизуют все свое взаимодействие на макроуровне, порождая параметр порядка, определяя его с одной стороны, и подчиняясь ему с другой» (5,105). В роли таких параметров порядка и можно рассматривать наиболее значимые математические идеи, например – идеи дифференциального и интегрального вычисления. Современный исторический период как будто на новом витке повторяет историю дифференциала и интеграла.

Как отмечает в своем предисловии к «Порядку из хаоса» О.Тофлер современная западная цивилизация достигла необычайных высот в искусстве расчленения целого на части, а именно в разложении на мельчайшие компоненты. « Мы ... нередко забываем собрать разъятые части в то единое целое, которое они некогда составляли.... Лучшие годы своей жизни Пригожин посвятил воссозданию целого из составных частей, будь то биология, и физика, необходимость и случайность, естественные и гуманитарные науки» (3,10). В этом рассуждении Тофлера необходимо уточнить один момент: наверное необходимо вести речь не о простом соединении частей в целое, которое они некогда составляли. Для этого не было необходимости составлять коллаж, а ведь в этом преуспела современная культура в своей постмодернистской парадигме. От созерцания коллажа возникает совершенно новое знание. И в понимании этого и заключается суть конца постмодернизма и начала эпохи нового синтеза. Сильнейшая культурная дифференциация последних столетий привела к появлению множества осколочных

взглядов на мир. До какого-то момента эти осколки образовывали, как в калейдоскопе причудливые и такие же бессмысленные картинки, наводящие на мысль, о затейливости, но и бессмысленности видения, что и навело на постмодернистский пессимизм. И вот в этот момент Пригожин говорит о Возрождении, которое связывает с введением события в качестве объекта научных исследований. Для того чтобы глубже понять смысл этой идеи необходимо еще раз внимательно посмотреть на природу феномена события.

Во-первых, «событие, как бы мы его ни трактовали, означает, что происходящее не обязательно должно происходить. Следовательно, в лучшем случае мы должны надеяться на описание события в терминах вероятностей, причем вероятностный характер нашего подхода обусловлен отнюдь не неполнотой нашего знания». (1,16) Во-вторых, происходящие события должны порождать некий смысл. «История стоит того, чтобы о ней поведать, только в том случае, если хотя бы некоторые из описываемых в ней событий порождают какой-то смысл» (1,16). Далее можно провести очень интересный мостик от естественных наук к - гуманитарным. Пригожин утверждает, что события являются следствием неустойчивости хаоса (1, 7). Хаос выступает физическим обеспечением неустойчивости. Но в то же самое время хаос порождает порядок. Порядок и беспорядок, таким образом, оказываются тесно связанными – один включает в себя другой. И эту констатацию, по мысли Пригожина, мы можем оценить как главное изменение, которое происходит в нашем восприятии универсума сегодня. Порядок и беспорядок существуют как два аспекта одного целого и дают нам различное видение мира.

А теперь можно попытаться представить себе беспорядок коллажа - беспорядок фрагментов, беспорядок цитат. Каким образом из этого беспорядка рождается порядок, и что он означает? Если, рассуждая в контексте идей Пригожина, события являются следствиями неустойчивости хаоса, то события должны происходить на границе, разделяющей отдельные фрагменты коллажа, где эта неустойчивость максимальна. Т.е. мы приходим к тому, о чем неоднократно говорил Ю.Лотман: к креативному потенциалу границ, к микровзрывам (событиям), возникающим на границах текстов. Но события ценны порождаемым ими смыслом. И этот смысл и является самым значимым результатом события. Таким образом, *созерцание коллажа* приводит к *порождению нового смысла*. Из хаоса рождается порядок совершенно нового уровня. И тем самым сам хаос приобретает смысл. «Смысл хаоса состоит ныне не в том, что он ставит предел нашему знанию, - хаос позволяет по-новому сформулировать то, что нам надлежит познать» (1,34). А следовательно, постмодернистский тупик хаотических культурных цитат тупиком не является. В постмодернистском хаосе просматривается порядок нового уровня.

Итог

В одной из своих работ Пригожин очень интересно высказался по поводу символического мышления (мышления физика, математика, оперирующего специальными символами), которое « в одно и то же время «беднее и упрощеннее, богаче и интенсивнее». Мысль, оперирующая символами и работающая в классической или квантовой физике, усиливает те аспекты физической реальности, которые выделяют симметрию во времени. В этом смысле воплощенную в символах мысль можно сравнить с произведениями искусства. Подобно произведениям искусства, она имеет свои ограничения. Она возбуждает чувство восхищения, и чувство неудовлетворенности. Она бросает нам вызов, побуждая идти вперед» (1, 29). В настоящее время основные научные идеи, осмысляемые Пригожиным - *неравновесность*, *«стрела времени»*, *бифуркация*, *конструктивный хаос* становятся подобными символами, формирующими современную культурную парадигму, заставляющими вновь и вновь обозревать культурный

континуум в поисках выхода на новый уровень понимания окружающего мира. А потому и сами работы Пригожина и Стенгерс можно рассматривать, как справедливо заметил О.Тоффлера « как символ происходящих в наше время исторических преобразований в науке, игнорировать которые не может ни один просвещенный человек» (3,12).

В заключении хочется позволить небольшую вольность. Практически все время написания статьи во внутреннем пространстве автора звучала музыка Кочерто гроссе №1 Альфреда Шнитке, в котором сквозь звуки невыносимой какофонии пробивались мотивы неземной гармонии. Может быть, и это тоже символ. Мрак и хаос, окружающие нас, в какие-то мгновения переходит в порядок удивительной красоты. И это есть реальность Бытия. Безобразия, уродство рядом с Великой Гармонией. И каждый миг своего существования мы осуществляем выбор. А вот «...последовательность актов выбора делает нас теми, кто мы есть» (1,36).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. - М.: Прогресс, 1994.
2. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. -1991. -№6.
3. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. - М.: Прогресс, 1986,-432 с.
4. Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996г.
5. Князева Е.Н. Одиссея научного разума. Синергитическое видение научного прогресса. - М.: 1995.- 228 с.

У статті розглядаються погляди І.Пригожина що до природи події, закону, характеристики сучасного етапу розвитку науки у контексті ідей постмодерну.

В статтє рассматриваются взгляды И.Пригожина на природу события, закона, на характеристику современного этапа развития науки в контексте идей постмодерна.

In article are considered the I.Prigozhin's opinions on a nature of event, law, on the characteristic of a present stage of development of a science in a context of postmodernism's ideas.